

Примечания

- ¹ *Brown M.* Hilary Mantel wins Man Booker prize for second time. URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2012/oct/16/hilary-mantel-wins-booker-prize> (дата обращения: 23.10.2012).
- ² *Bolt R.* A Man for All Seasons. URL: http://www.americanidea.org/americanidea.org/Upcoming_Programs_files/A%20Man%20For%20All%20Seasons.pdf (дата обращения: 23.10.2012).
- ³ Цит. по: *Наринская А.* Букер сделал исторический выбор // Коммерсант. 18.10.2012. URL <http://kommersant.ru/doc/2046634/print> (дата обращения: 25.10.2012).
- ⁴ *Higgings Ch.* Hilary Mantel discusses Thomas Crowell's past, presence and future. URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2012/aug/15/hilary-mantel-edinburgh-wolf-hall> (дата обращения: 25.10.2012).
- ⁵ Заглавие романа – традиционная формула приказа констеблю Тауэра доставить содержащихся там преступников на суд; обозначая еще живых людей как «тела», словесная формула предвосхищает смертный приговор, в котором могли варьироваться только виды казни.
- ⁶ *Мантел Х.* Волчий зал / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой и М. Клеветенко. М., 2011. С. 620. В заглавие вынесено название поместья Сеймуров, Вулф-Холл; Кромвель в финале романа только еще планирует остановку двора в Вулф-Холле в ходе предстоящего летнего путешествия по стране. Возможно, заглавие скрывает в себе аллюзию на латинскую поговорку «человек человеку волк».
- ⁷ Там же. С. 22.
- ⁸ *Mantel H.* Bring Up the Bodies. N.Y., 2012. P. 160. В дальнейшем цитируется это издание в переводе автора с указанием страниц в тексте.
- ⁹ Sprezzatura, ит. – много обсуждавшийся в гуманистической среде термин из трактата Бальдассаре Кастильоне «Придворный» («Il Cortegiano», 1528), где в качестве высшего достоинства идеального придворного называется «своего рода раскованность, которая бы скрывала искусство и являла бы то, что делается и говорится, совершаемым без труда и вроде бы без раздумывания. ... истинное искусство то, которое не кажется искусством; и ни на что не нужно употреблять таких стараний, как на то, чтобы его скрыть...» (*Кастильоне Б.* Придворный / пер. О. Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI века. СПб., 2002. С. 212).
- ¹⁰ «Остролист зеленый» – стихотворение *Генриха VIII*, ставшее со временем популярной рождественской песней.

УДК 398.91(470)

МОЛВА В РУССКОЙ ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Л. А. Ефремычева

Саратовский государственный университет
E-mail: larisa_efr@mail.ru

В статье рассматривается смысловой диапазон понятия «молва» на материале русских пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем и И. М. Снегирёвым: анализируются свойства толков, их структура и содержание. Разбираются субъект и объект молвы, а также выявляется связь между понятиями «молва» и «слава».

Ключевые слова: Даль, Снегирёв, пословицы, молва, слава.

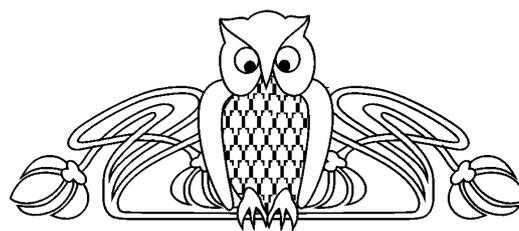
Rumours in the Russian Traditional Proverbs and Sayings

L. A. Efremycheva

The article deals with the semantic range of the «rumours» concept based on the Russian proverbs and sayings, collected by V. I. Dal and I. M. Snegiryov: the features, structure and content of rumours are analyzed. The subjects and objects of rumours are investigated. Also the connection between the «rumours» and «fame» is revealed.

Key words: Dal, Snegiryov, proverbs, rumours, fame.

Феномен молвы в произведениях словесности представляет собой интересное, тонкое, разноплановое явление. Ключ к его осмыслению можно подобрать, обращаясь не только к литературоведческому анализу, но и прибегая к исследованиям в области лингвистики, коммуникативистики,

социальной психологии, философии. Богатейший смысловой диапазон понятия «молва» требует особого внимания. Изучая феномен молвы в произведениях Н. В. Гоголя, мы считаем необходимым обращение к пословично-поговорочной традиции XIX в. Народная мудрость приближает нас к пониманию предмета исследования благодаря представлениям о людских толках, метко сформулированных, обобщённых, а главное, имеющих широкое хождение. Важно отталкиваться от рассмотрения понятия «молва», которое бытует в массовом сознании середины и конца XIX в. Именно в это время проявляется широкий интерес к сбору и исследованию русских пословиц и поговорок: «...в начале нынешнего [XIX] столетия события отечественной войны и история Карамзина, пробудившие в обществе чувство народности, усилили стремление к изучению народных произведений»¹.

Исследователи пословично-поговорочных текстов отмечают заключённые в них мудрость и правдивость: в пословицах кроется «вековечная правда и непреложная истина, когда одна с обязательной силой указывала человеку необходимое,

должное и возможное, а другая открывала ему действительное и подлинное в жизни»². Другими словами, пословичный корпус языка можно назвать не только коллекцией смыслов, но и руководством к действию. Оценки, отразившиеся в народных изречениях, – та нравственная шкала, которая впитывалась вместе с традициями и обычаями. «По ним можно видеть свойственный народу склад ума, его характер, быт, нравы и обычаи, господствующие понятия о Боге, человеке и природе, одним словом: полный взгляд его на мир и жизнь», – подчёркивал историк литературы А. Д. Галахов³.

Авторитетные сборники В. И. Даля и И. М. Снегирёва, к которым мы обращаемся, помогают сформировать представление об универсальных свойствах молвы и служат надёжным ориентиром в занимающем нас исследовании мотива молвы в художественном творчестве Н. В. Гоголя.

Перспективно рассматривать «молву» сквозь призму пословиц и поговорок. Все три понятия объединяет одно основание – бытование в устной речи. Любопытный факт: И. М. Снегирёв отмечает, что в древности на Руси слово «молва» в значении «говор, разнёсшийся в людях» как раз заменяло слово «пословица»⁴. И уже позже значение расширилось, и понятие «пословица» стало означать «молвится к слову».

Пословично-поговорочный пласт можно назвать одним из проявлений молвы, которое отличается особыми поводами употребления, закреплённой формой и общепользовательным содержанием. Рассмотрим признаки, по которым обнаруживается связь между пословицами и молвой. Прежде всего, можно отметить широкий круг адресантов. Молва актуализирует какую-либо информацию на время стороннего интереса к ней и даёт возможность «продлить» жизнь вести. Пословицы закрепляются временем. Сама формулировка изречения обладает относительным постоянством: «Летучее слово, проникнутое и одухотворенное живущей мыслью, получает самобытность и вековечность»⁵. Стремление к сохранению информации путем её передачи «по цепочке» из уст в уста выказывает связь между молвой и пословицами.

Сближает и естественность бытования в речи. По мысли И. М. Снегирёва, в пословицах «русский ум находит любимый свой простор»⁶. Такой же простор характерен для молвы. Любопытствующее ожидание вестей, включённость в их обсуждение обнаруживают ту лёгкость, с которой рождаются толки.

Пословицы, как и молва в целом, заключают в себе категорию длительного прошлого времени. Через пословично-поговорочную традицию люди «наследуют» ценные выводы своих предшественников, обогащая их и передавая потомкам новые наблюдения. Опору на прошлое подчёркивают обращение к мудрости предков в случае с по-

словицами и актуализация сказанного кем-то до начала разговора в случае с толками.

Остановимся на «молве» как предмете пословиц. И. М. Снегирёв систематизировал материал по алфавитному принципу, а В. И. Даль – по тематическому. В раздел «Молва-слава» сборника Даля попало около 160 пословиц и поговорок. Именно они составят основу нашей работы. Богатый материал рассматривает характер и проявления молвы с разных сторон. Большое внимание народная мудрость уделяет содержанию толков.

Русская пословично-поговорочная традиция рождает богатые, меткие характеристики, осмысливая природу распространения слухов. Толки заполняют пространство, как вода наполняет сосуд. Всеохватность и стремительность распространения молвы – одно из основополагающих её свойств:

Слухом земля полнится. Слово ведуном ходит⁷;

Молва в окно влезет. Молву поветрием носит (Даль, 430);

Ни конному, ни пешему не нагнать, ни царским указом заворотить (вестей) (Даль, 431).

Слово на пути своём не знает преград, а «гневливое слово» доносится в первую очередь:

Хорошее лежит, а худое далеко бежит (Даль, 430);

Гневливое слово пороги не держат (Даль, 430).

Молва использует пространство не только как среду распространения, но и как средство – она обладает удивительной и непредсказуемой способностью искажать пространственные связи, парадоксально сближая удалённые точки:

В Москве к заутрене звонили, а на Вологде звон слышали (Даль, 432);

Иван был в Орде, а Марья вести сказывает (Даль, 431).

Структура слухов может быть представлена наподобие вулкана: от центра – события или героя – волнами расходятся пересуды. Силу «лавы» и её градус определяют и значимость события, и информационная обстановка, и люди, которые станут частью «цепочки толков»:

В городе (В Питере) рубят, по деревням (по городам) щепки летят (Даль, 430).

Территориальные доминанты, оставшиеся в житейском сознании, доказывают выделение центра – богатого на вести, интересные события и бурную жизнь. В качестве такого центра выступают столичные города или город как понятие обобщённое. Представление о существовании за пределами места, в котором жизнь течёт иным ходом и потому возбуждает любопытство, – одно из распространённых, привычно приводящих «механизм» молвы в действие. Доминанта перемещения раскрывает неустойчивую, изменчивую природу толков:

Приехала баба из города, привезла вестей три короба (Даль, 431);

Харитон с Москвы прибежал с вестями (Даль, 430).

Молва порождает негласное противопоставление того, что происходит «там» и «здесь», «у кого-то» и «у меня». Пространство разделяется неуловимыми границами, а молва сближает мир «других» и мир «своих, себя»:

У вас дрова рубят, а к нам щепки летят (Даль, 430).

Пересуды уничтожают препятствия между людьми, занимающими разное положение в обществе. И так же, как и в случае с изменением пространства, молва трансформирует традиционные отношения:

За глаза и про царя говорят (Даль, 432);

Собака лает, а владыка едет (Даль, 432);

Вольно собаке и на небо лаять (Даль, 432).

Обсуждение вышестоящих лиц говорит о вере в «суд публичный» и нелицеприятный, которая присуща русскому народу⁸.

Большое внимание в пословицах уделяется содержанию слухов. Содержательная сторона молвы отличается разнородностью толков, их подчёркнуто необъективным характером и богатой вариативностью тем. Причём личная окраска, которую придаёт сообщениям каждый передатчик, выливается в коллективное формирование содержательного ядра толков. Этот смысловой центр развивается путём добавления информации, изменения отдельных деталей или отказа от них.

Вариативность толков, их субъективность и подвижная структура подчёркиваются целым рядом пословиц:

Из одного места, да не одни вести (Даль, 431);

Пусти уши в люди, всего наслушаешься (Даль, 430).

Интересно, что недостаточная информированность не заглушает расходящихся толков, а только их подкрепляет, выставляя домыслы за правду:

Сторона – борона: чего не знает, то и бает (Даль, 431).

Содержание толков нередко принимает негативную окраску. Антитеза «худое – доброе, хорошее» зачастую ложится в основу изречения на тему молвы:

Про нашего батку много молвы, да мало доброго (Даль, 430);

Бранить – не унять, хвалить – не нанять (Даль, 431).

Дурные вести передаются быстрее, а значит, и интерес к ним проявляется сильнее:

Худые вести всякого вестовщика опереживают (Даль, 430).

Молва связывается в представлении говорящего со сторонней оценкой, обязательной реакцией окружения. Другими словами, молва может выступать в качестве незримого, властного контролёра. Потенциальное распространение слухов вселяет ощущение страха или, по крайней мере, заставляет заранее подумывать о последствиях:

Грех не беда, молва нехороша. Что-то скажут на улице! (Даль, 430).

Русские пословицы подчёркивают особое свойство, которое сопровождает распространение молвы – веру в сказанное. «Свободное течение молвы зиждется на доверии к информации, даже невольном её ожидании...»⁹, – отмечает В. В. Прозоров. Авторитет молвы чаще всего неоспорим:

Это не с ёлки толки (Даль, 430);

Что люди говорят, то и правда (то и сбудется) (Даль, 431).

Обращая внимание на возможные толки, житейская мудрость подчёркивает доверительное отношение – пусть зачастую и слепое – к тому, что «говорят»:

Народ недаром говорит (Даль, 431).

И наряду с этим слепым доверием возникает противоположная характеристика – недоверчивое, даже несколько возмущённое предостережение как ответ на всезнающее «говорят». Несмотря на ощущение уверенного «всезнания», присущего молве, народная культура порождает немало высказываний, которые учат скептически относиться к толкам:

Говорю людскую честить, отца-мать забыть (арханг.) (Даль, 432);

Больше верь своим очам, а не чужим речам¹⁰;

Чем верить люду мирскому, верить темному лесу (Даль, 431).

Многосоставность, фрагментарность молвы заключается в том, что из ситуации «выхватываются» наиболее интересные, яркие детали, и чаще всего именно они всплывают в памяти при удобном случае:

В лесу рубят, а в мир щепки летят (Даль, 430);

Говоря (речи) чужая, да дума родная (то есть передаёт чужие слова, да не без умысла) (Даль, 431).

Чужие толки – инструмент, подобный стеклу, через которое ты смотришь на мир. И искривление этого стекла, как и его чистота, зависят от чужого восприятия:

Не слыша, слышишь, не видя, видишь (пересуды) (Даль, 431).

Субъект молвы размывается до нечётко множественного, коллективного, собирательного образа и, по сути, превращается в действительное, но явственно не различимое «никто». Ряд пословиц подчёркивают эту особенность слухов – в процессе передачи, разнесения вестей первоисточник теряется. Именно поэтому возникает очень точное метафорическое уподобление молвы силам природы:

Молва, что волна: расходится шумно, а утишится, нет ничего (Даль, 432);

Небыль (Недель), как вода, а быль (дель), как смола (Даль, 432).

Подобные сравнения подчёркивают ещё одну сторону молвы – её масштабность и постепенно (а то и мгновенно) возрастающий, прогрессирующий характер:

Не всё то перенять, что по речке плывет; не всё то переслушать, что люди говорят (Даль, 432);

Выпустишь с воробышка, а вырастет с коро-
вушку (Даль, 432);

Вести по свету несутся с прибавкой, и правду
нередко услышишь с приправкой, а лживый и це-
лую басню составит и басню за быль и неправду
прославит (Снегирёв, 62).

Невообразимые, несообразные, фантасти-
ческие вести, порождаемые народом, занимают
отдельное место в составе молвы и внушают к ней
насмешливое, отчётливо ироническое отношение:

Женится медведь на корове, рак на лягушке
(Даль, 433).

Одновременно с быстрым, массовым распро-
странением молва включает элемент таинственно-
сти и секретности. Исповедальный, доверительный
характер слов первоисточника придаёт толкам
особую задорную привлекательность, создаёт иллюзию причастности другого человека к событиям
или происшествиям, о которых ведутся нескон-
чаемые разговоры. Пословицы предостерегают
от пустословия и недвусмысленно учат заранее
принимать в расчёт, что сказанное тайком может
быстро и бесконтрольно разойтись по людям:

Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол
(Даль, 431);

Не говори при холопей онуче: онуча онуче
скажет (Даль, 431);

С вестей пошлин не берут (Даль, 431);

На чужой рот пуговицы не нашъёшь (Даль,
431);

Чужой рот не хлев, не затворишь (Даль, 431).

Напряжённая антитеза «свой – чужой» под-
чёркивает отсутствие контроля над слухами.
Появление «чужого» активного мнения приво-
дит к появлению информационного «воздуха»,
пространства, в которое можно вовлечь другого
независимо от его желания:

От языка (молвы) не уйдёшь (Даль, 432);

Говоря про чужих, услышишь и про своих
(Даль, 433).

При этом «чужой», «другой» может рассма-
триваться в качестве противопоставления себе
самому – в значении «не-я». Ответственность за
сказанное легко переложить на размытый, нечёт-
кий источник слухов, а иногда и вовсе безличный
образ говорящего.

Коли люди врут, так и я соврал (Даль, 431);

Правда, так правда, а соврал, так не я (то есть
слышал так) (Даль, 432).

Стоит отметить, что И. М. Снегирёв считает
такое лукавое поведение особенностью русско-
го народа. Он отмечает «склонность и умение
русских прикидываться незнающими – хитрую
простоту»¹¹.

Ещё одна существенная смысловая состав-
ляющая понятия молвы – «бесконтрольность».
Молва – это то, что уходит из-под твоего контроля,
над чем сам ты, её передатчик, уже не властен,
что развивается и саморегулируется по вольным

законам «летучих вестей», которые начинают
непредсказуемо развиваться. Вариантов того, как
трансформируется мысль, множество. В зависи-
мости от новых добровольных субъектов сплетни,
от обстановки её передачи, самого масштаба со-
общаемого и актуальности темы интерес к вестям
будет либо разгораться, либо угасать. Несмотря на
собственное активное вовлечение в пространство
молвы, человек остаётся бессилён перед самим
неконтролируемым явлением:

Ни занять (то есть запереть), ни унять, ни
запрету наложить (о молве) (Даль, 432).

Элемент естественности делает молву не
только привычным, но и жизнеобразующим яв-
лением:

Ветром море колышет, молвою – народ (Даль,
430);

На молву суда нет. Шла молва, и была такова
(Даль, 430).

По самой своей природе толки обладают за-
видной заразительной энергией. Они, как правило,
благодарно поглощаются и вовлекают в свою
орбиту всех желающих. Природный интерес к
новым известиям делает молву удивительно жи-
вучей и долгожданной:

Под вести подводы не надо (Даль, 431).

Молва как естественная оболочка из чужих
разговоров окружает каждого. Появление толков
– негласное условие разнообразного мира обще-
ния, которое необходимо принимать во внимание:

В городе жить, так по городу и слыть (Даль,
431).

Имея в основании новостной подтекст, молва
оказывается всегда к месту, всегда кстати. Она
начинает распространяться и разрастаться среди
тех, кто этих толков подсознательно, втайне ждёт:

Молва (слух, речи, слава) не по лесу ходит,
по людям (Даль, 430);

Молва ходит, говор бродит, на что наткнётся,
тут и приткнётся (Даль, 430).

Любопытно, что, формируя представление
о субъекте молвы, народная мудрость отмечает
особую женскую предрасположенность к сплетни-
честву:

Где утка (то есть баба), тут и мутка (то есть
сплетня) (Даль, 431);

Вольна баба в языке, что чёрт в своей музыке
(Снегирёв, 37).

Уверенные, всезнающие пересуды зачастую
скрывают целую цепочку субъектов, охотно, из уст
в уста передающих «достоверную» информацию:

Хороши пирожки гороховички; я не едал, а
от дедушки слышал, а дедушка видал, как мужик
на рынке едал (Даль, 431).

Психология образования слухов сродни
мыслительному шаблону «я не читал, но скажу».
Слово оказывается шустрее доказательств, а ин-
стинкт молвы – сильнее осмысленного анализа.
Эмоциональный отклик на содержание вестей
может перенестись на того, кто их приносит:

По вестям и гонца встречают (Даль, 432);

Желанные вести – мил гонец. Горькие вести и гонцу не на радость (Даль, 432).

Молва, часто имея характер непререкаемого суждения, вырастает в понятие «славы» о человеке. И тут мы переносимся в биполярный мир «дурного» и «хорошего». Слава носит однозначный характер и представляет собой некую коллективную оценку морального поведения человека. Причём тонкое, подвижное равновесие гораздо легче и быстрее сбить в сторону «дурной» славы:

Дурную славу нажать, как пить попросить; в хорошие люди попасть, не скидерку (стожок) скласть (Даль, 430);

Нет человека, чтоб худая слава не прошла (Даль, 431).

Слава о человеке выступает неперемным мерилом его поведения. Во многих пословицах чувствуется безоговорочное доверие к тому, как воспринимают, как оценивают («славят») другого. И. М. Снегирёв делает акцент на том, что в своих пословицах русские «почитали доброе имя главным отличием жизни человеческой»¹²:

По Савве и слава. Каков Савва, такова ему и слава (Даль, 431);

Каково поживешь, таково и прослывешь (Даль, 431).

Слава неотделима от человека и становится его тенью, очертания которой создаются поступками и их многоречивыми оценками, коллективным сознанием:

От своей славы сам не уйдёшь и людей не упасёшь (Даль, 431).

Сила славы проявляется в её инерционности. Приняв на веру сформировавшееся представление о другом, сложно от него отказаться. Он, словно слепок, застывает в массовом сознании и невольно воскрешается при каждом упоминании о человеке:

Пьяница в церковь, а говорят – в кабак (Даль, 431).

Подводя итог, следует отметить, что в народной традиции молва соотносится с представлениями о простодушном «доверии», осторожной и мудрой «осмотрительности» и непререкаемой «славе». Изречения подчёркивают властную силу и действенность высказанного слова. В народном сознании слово почиталось законом¹³. В связи с этим изречения о молве и славе выливаются в заветы о безусловной ценности молчания.

Больше говорить, больше согрешить (Снегирёв, 20);

Больше слушай, а меньше говори (Снегирёв, 20).

В пословицах и поговорках русского народа молва характеризуется как феномен необратимый, стихийный и всепроникающий. Молва – и желанный, многократно испытанный и надёжный способ непредсказуемого скорого распространения новостей, и одновременно наделённый бесспорным анонимно-собирательным авторитетом, депотически властный общественный судья.

Примечания

- ¹ Порфирьев И. История русской словесности : в 2 ч. Казань, 1870. Ч. 1. С. 19. URL: http://books.google.ru/ebooks/reader?id=M2srAAAAYAAJ&lr=lang_ru&as_br=5&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PP9 (дата обращения: 13.04.2012).
- ² Снегирёв И. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С. 9. URL: <http://books.google.ru/books/reader?id=9oMOAAAIAAJ&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PP1> (дата обращения: 13.04.2012).
- ³ Галахов А. История русской словесности древней и новой. СПб., 1863. С. 25. URL: http://books.google.ru/ebooks/reader?id=L5JTGidK30EC&lr=lang_ru&as_br=5&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PA25 (дата обращения: 13.04.2012).
- ⁴ Снегирёв И. Русские народные пословицы и притчи. С. 27.
- ⁵ Там же. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 15.
- ⁷ Даль В. Пословицы русского народа. М., 2008. С. 430. Далее пословицы цитируются по этому изданию с указанием в тексте автора и номера страницы.
- ⁸ См.: Снегирёв И. Русские в своих пословицах : рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831. С. 187. URL: http://books.google.ru/books?id=OO7YAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 13.04.2012).
- ⁹ Прозоров В. До востребования... : Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010. С. 154.
- ¹⁰ Снегирёв И. Русские народные пословицы и притчи. С. 20. Далее пословицы цитируются по этому изданию с указанием в тексте автора и номера страницы.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 109.
- ¹³ См.: Снегирёв И. Русские в своих пословицах... С. 174.